

На соискание Государственной премии РСФСР

На крыльях пушкинской поэзии

«В России Пушкин длится», — сказал поэт, наш современник. Сказал верно: присутствие Пушкина в нашем сознании — присутствие всегда живое, развивающееся, находящее для себя все новые и новые формы.

Вот примечательные свидетельства тому самым последним лет. Объявлена нелимитированная, доступная каждому подписка на трехтомное собрание пушкинских сочинений — теперь можно смело утверждать, что не будет больше такого дома, такой семьи, где вынуждены жить без Пушкина. Огромными, истинно массовыми тиражами напечатаны работы Юрия Лотмана — комментарий к роману «Евгений Онегин» (пособие для учителей) и биография писателя (пособие для учащихся) — скромно и по делу названные пособиями, эти книги написаны на высоком научном уровне и одновременно доступны, они подкреплены необъятностью ученой эрудиции и в то же время отмечены ясностью слога. Читать их дело увлекательное! Вышла в свет книга Валентина Непомнящего «Поэзия и судьба», плод двадцатилетней работы, в которой неутомимый поиск историка шел рука об руку с самозабвенным оживлением в образ любимого поэта. Третьим, опять же массовым изданием напечатана знаменитая книга Татьяны Цявловской «Рисунки Пушкина»...

Мы не ошибемся, если поставим в этот примечательный ряд пушкинскую трилогию режиссера — мультипликатора Андрея Хржановского — «Я к вам лечу воспоминаньем», «И с вами снова я», «Осень», — поставленную им по собственному сценарию.

Главная, отличительная особенность этих фильмов состоит в том, что здесь искусство муль-

типикации явлено нам в богатстве своих идейных и художественных возможностей. Для режиссера — о том свидетельствуют и его высказывания, и, разумеется, прежде всего его практика — самый жанр рисованного фильма есть жанр искусства глубоко серьезного, сложного, требующего от создателя богатого культурного оснащения. Он, режиссер, твердо верует — и последовательно доказывает свою веру на деле, — что здесь перед художником открывается перспектива полного раскрытия и выражения самых заветных мыслей и чувств.

И еще. Режиссерское искусство Хржановского обращено к зрителю внимательно, не жалующему труда в восприятии нового, непривычного. Он видит своего зрителя не пассивным, а способным к сотворчеству.

«По рисункам А. С. Пушкина» — таков подзаголовок каждого из трех фильмов. Теперь, когда эта работа завершена, кажется, что выбор материала и темы, как говорится, напрашивался сам собой, стоит хотя бы взять в руки книгу Т. Цявловской. Один только взгляд на любую из страниц, где воспроизведен полет пушкинского пера или карандаша, — будь то строка рукописи, или выньетка, или профильные абрисы лиц и фигур — и вас захватит ощущение поразительной динамики, сокрытого тут движения. Оно торжествует рявкая в каждой линии, в каждом штрихе. Теперь — после фильмов Хржановского — думаешь: как же естественно, как просто было подхватить это, продлить во времени, высветлить на экране.

Естественно? Конечно. Но вот просто ли?

Пушкин, не будучи художником, оставил нам около двух тысяч рисунков, живущих своей причудливой, сложной, часто загадочной жизнью на страницах его черновиков. Он оставил целый мир графических самовыявлений, о которых исследовательница говорит так: «Любитель и тут оказался гением. Сила художественного воздействия рисунков Пушкина неотразима — так свободен и артистичен штрих, так пластична линия. В стремительно набросанных или задумчиво выведенных рисунках поэт проявляет необычайную выразительность, острую характерность, веселую карикатурность или нежнейший лиризм». Итак, поражающее воображение число работ (здесь одних автопортретов более пятидесяти), поражающе высокие их эстетические достоинства (недаром о некоторых из пушкинских рисунков специалисты говорят, что он на столетие опередил таких величайших мастеров графики нашего века, как Матисс или Пикассо)...

Хржановский пришел к своей трилогии путем долгого, не сразу им самим осмысленного, взвешивания замысла. Его фильмы «В мире басен» и «День чудесный», сделанный по детским рисункам на темы Пушкина, стали подступами к трилогии, потому что именно здесь режиссер сначала услышал пушкинскую тему музыкально (счастливой, перспективнейшей находкой фильма «В мире басен» стала передача пения соловья образами пушкинской графики), и еще — в цельности и свободе детского взгляда искал опоры для цельности и свободы своего взгляда художника.

Велика чисто познавательная ценность работы Хржановского — теперь Пушкин-график вышел

далеко за пределы внимания искусствоведов: стал широко доступен каждому, кто захочет прийти в кинотеатр. Но трилогия Хржановского — это прежде всего смелая и оправдавшаяся попытка поделиться с нами своим, глубоко личным художественным пониманием чуда пушкинской поэзии, поделиться счастьем от встречи с личностью Пушкина и, конечно же, неутраченным сопереживанием с трагедией его судьбы.

Фильмы трилогии объединены некой глубинной связью. Но это связь тематическая, образная: режиссер не занят реконструкцией биографии поэта —вольно обращаясь с его текстами и рисунками, он выделяет некие основные доминанты его внутреннего мира, ища их выражение в рисунках Пушкина, а если надо, то и выходя на прекрасную натуру «садов лицей», холмов Михайловского и Тригорского, болдинских неброских земель.

Так через всю трилогию, связывая ее воедино, проходят образные темы лицейского братства, свободы в ее крылатом, неостановимом полете, любви с прекрасным разнообразием ее ликов — и образные темы деспотизма, эту свободу гнетущего, темных сил, посягающих на разум, человеческое достоинство, которое необходимо ежечасно отстаивать, утомительной пошлой суеты, от которой так трудно убежать, тяжкого ярма грубых тягот жизни...

Хржановский верит своему зрителю, верит в то, что ему сегодня куда более, нежели пособие к теме «Пушкин-график» или картинки к его биографии, нужно произведение, отмеченное цельностью авторского

взгляда, построенное по законам музыкально-поэтическим. Он говорит, что обозначил бы свой творческий склад как лирико-сатирический. Он прав, и доказательством тому его тонкое постижение мира пушкинских рисунков, которым так присуще гармоническое сосуществование этих двух начал.

Радостно, что, работая над своими фильмами, режиссер нашел подлинных сподвижников, тех, кто ему творчески близок именно в органичности лирико-сатирической интонации. Это замечательный мастер нашего мультипликационного кинематографа, лауреат Государственной премии СССР Юрий Норштейн, который вместе с артистом Сергеем Юрским, тонко и вдохновенно читающим за кадром пушкинские тексты, исполнил в фильме роль Пушкина (речь идет о таких, к примеру, развернутых игровых сценах, как «Поэт и чернь», «Вновь я посетил», «Прощание», где искусство рисованного фильма позволяет превратить персонаж графики в живое действующее лицо). Это композитор Альфред Шнитке, создавший партитуру, где есть и острая пародия на торжественную кантату, и сосредоточенные лирические высказывания, и полные юмора сценки музыкального быта того времени, и берущая за душу сила народных песен...

Пожалуй, лучшее, что можно сказать о пушкинских фильмах Андрея Хржановского, — то, что они живут на экране не подвластными словесному изложению. Живут, как некая зримая музыка. Ее надо смотреть — чтобы видеть, слушать — чтобы слышать.

Вера ШИТОВА.